Любка

Автор:
Фламме

Любка

Фламме

Ляман Багирова /Фламме/ – автор со своеобразным, только ей присущим ощущением этого мира. Но ощущением тонким, по-человечески мудрым и красивым. У нее особый слог, напоминающий язык русской классики. Герои ее произведений не совершают подвигов – это обычные люди в обычных жизненных ситуациях. Но ситуации эти вырисовываются так, что сочувствуешь героям и видишь их как будто наяву. И, читая этого автора, словно слышишь далекую тихую музыку, проникновенную музыку человеческого сердца. И понимаешь, что человек за тысячи лет своего существования изменился мало: также любит и негодует, страдает и радуется, также открыт прекрасному и ненавидит зло.

Фламме

Любка

Базилевс

Номинация: Триумф короткого сюжета

Уже заморгала лохматая звезда, и сиреневое утро медленно поползло с востока, а Базилевс все лежал, положив голову на лапы. Желтые глаза его сводились лунками и все качалась, качалась в них нахальная звезда, которая теперь

обиженно моргала и с которой не хотелось расставаться. Косые лучи ее пахли влажной пылью, нагретым песком и еще чем-то, от чего заходилось сердце и что осталось далеко, совсем в другой жизни.

Если бы Базилевс был человеком, он непременно вспомнил старинную песню:

Звезда полей над отчим домом

И матери моей печальная рука…

Но Базилевс не был человеком. И отчего дома у него тоже не было. Хотя была родная желтая пустыня, по которой так хорошо было бегать, поднимая за собой фонтанчики песка.

Мать… Да, мать была. Но у нее была вовсе не печальная рука, а большая пушистая лапа с втянутыми когтями. Так хорошо и безопасно было, когда она обнимала Базилевса и прижимала его к мягкому душному животу с набухшими сосцами. Сразу же у матери в животе начинало что-то тарахтеть, и звук этотвместе с теплыми струйками молока был для него сладчайшей музыкой. Потому что Базилевс был всего лишь полуторамесячным львенком- смешным, с нетвердыми лапами, в крапчатой шерстке, треугольным носишкой и любопытными глазами.

И он вовсе не был Базилевсом. Мать звала его гортанно: «Мр-р-р». Точно так же она звала его брата и сестру. Удивительно, как она не путала одинаковые имена, но Базилевс точно знал, что вот на это «Мр-р-р» следует откликнуться именно ему, а то мамино «Мр-р-р» превратится в «Рр-р-р!». А вот на это «Мр-р-р» пусть откликается брат или сестра, а он еще подремлет в тени акации.

…Здесь тоже росла акация. Красивая – ее цветы были похожи на розовые пушистые свечи, но чужая. Та акация была бедной, серой, но она давала короткую тень, и под нею так хорошо было спать после маминого молока.

Мать учила их всему: умываться, лазить по деревьям, пользуясь хвостом, прятаться от врагов. Враги были разные: любопытные шакалы, трусливые гиены, леопарды, орлы и змеи. Даже неповоротливые буйволы, и те, учуяв запах львят, бежали к ним, чтобы растоптать. Мать очень сердилась, и долго гналась за буйволами, наверное, чтобы что-то им объяснить, а потом приносила львятам

кусочки чего-то упругого, красного, от которого шел вкусный пар. Иногда в этих кусочках было что-то белое и твердое, и Базилевсу нравилось с хрустом разгрызать это белое, упиваясь душистым соком.

А потом мать осторожно вытягивала лапы в тени акации и засыпала; а малыши начинали возню. Как же приятно было легонько укусить брата за нос, так, что тот сразу начинал хныкать и тереть укушенное место; а сестру двинуть по ушам и встрепать ей шерстку. Когда около матери образовывался пушистый пятнистый клубок из голов, лап и хвостов, она неспешно открывала один глаз, отвешивала клубку несильный шлепок и снова закрывала глаза. Шлепок мгновенно приводил в чувство всех троих и они – встрепанные, неуклюжие – изумленно глядели друг на друга, будто видели в первый раз.

Но это осталось в той, совсем уже далекой жизни, когда раздался сухой звук, будто сломалась ветка акации и мать вдруг странно завалилась на бок и стала скрести по песку когтями, а потом зарычала так сильно и страшно, как никогда не рычала в жизни. И столько смертной тоски и тревоги было в этом рыке, что львята в панике кинулись в сторону, и побежали, неловко заплетая лапами, а мать все смотрела им вслед, и прыгучее тело ее становилось тяжелым и немотным, а она все смотрела и смотрела тревожно.

А потом вдруг стало темно. На голову львенка набросили мешок, и он заскулил яростно, обиженно, больше от унижения, забарахтался изо всех сил. Где-то рядом плакали брат и сестра, но он не мог им помочь.

Потом чем-то противно запахло, заскрежетало и стало качать из стороны в сторону. Так иногда бывало, когда мать перетаскивала его за холку с места на место, но мать пахла хорошо и сладко, а тут пахло так, как никогда не пахнет в пустыне. Базилевса мутило. Сильно хотелось пить. Мешок с него так и не сняли, было темно и душно, и Базилевс стал погружаться в какую-то одурь без конца и начала, вроде сна, но облегчения она не приносила. Сколько так продолжалось, он не помнил; давно уже притихли брат и сестра, а он все оставался в этой одури.

Потом в глаза вдруг ударил яркий свет, Базилевс зажмурился и услышал:

– Я беру его! Вот документы, деньги.

– Вы уверены? Это все же не котенок. Что скажут соседи?

– Я вам уже говорил, что я учитель. Преподаю труд и историю в местной школе. Я беседовал с вашим начальником. Живу в отдельном доме с большим двором. У меня много животных и птиц. Можете навести справки в ближайших школах. Ко мне педагоги детей на экскурсии водят.

Базилевс осторожно приоткрыл глаза. Ни брата, ни сестры рядом не было. Земля, твердая и серая, пахла кожей и железом. Эти запахи тоже были незнакомы Базилевсу, но в них было что-то тревожное и притягательное.

– Ну, что, малыш, пошли? – над львенком склонился худой человек с жирными кудрявыми волосами и поднял его на руки.

Базилевс уткнулся в засаленный ворот пиджака и задышал так часто, словно это было последнее дыхание в его жизни.

– И не стыдно тебе? – сказал ему человек. – Такой большой красивый лев, а дрожишь, как котенок. Ты же царь зверей! Буду звать тебя Базилевс. Нравится?

Базилевс ничего не понял, кроме того, что с этой минуты он стал Базилевсом и, что, кажется, незнакомец – добрый. Он глубоко вздохнул и положил лапы человеку на грудь.

– Так-то лучше, – улыбнулся незнакомец. – Поехали.

Опять стало трясти, запахло противным, и Базилевс хотел уже разочароваться в незнакомце, но тут что-то взвизгнуло, остановилось, и вокруг львенка образовался пестрый круг из двух скачущих детей и плотной женщины со спокойными серыми глазами. От женщины приятно пахло мясом, и Базилевс приободрился.

– Ой, папа, какой хорошенький! Ой, можно я его на руки возьму?! Ну, па-а-па!!!

Дети – одиннадцатилетняя Камилла и восьмилетний Эмиль – прыгали и верещали. Базилевсу эта назойливость не понравилась и он глухо заворчал.

– Не пугайте его! – сказал отец. – Пошли в дом!

– Ты что грустная? – приобнял он жену. – Не бойся: хватит сил, за всеми лично буду смотреть!

– Нет, я ничего, – иронично отозвалась жена. – Я вот думаю, может нам в зоопарк переехать жить, а наш дом пусть будет зоопарком?

– Натия, не начинай только! Я тебе сказал: все будет хорошо! Ты кому должна верить – своим мыслям или родному мужу?!

Базилевс оказался в большом, заросшем травой, дворе. В глубине его стоял белый дом с высоким крыльцом и стеклянными дверями. Во дворе росло так много цветов и разных деревьев, что львенок растерялся. Куда там бедной пустынной акации до этого праздничного многоцветья!

– Вот тут ты будешь жить. – И незнакомец опустил Базилевса на траву перед высокой и неширокой будкой.

Львенок недоверчиво потянул носом воздух. Внутри было темно и тихо, но, в общем-то, безопасно.

– Не нравится? Ну, ничего, пока живи, а потом мы новый домик тебе построим побольше. Только подожди.

Тут незнакомец достал что-то блестящее и осторожно начал это надевать на шею Базилевсу.

– Потерпи, дорогой. Смотри, как тебе подходит. Сразу стал выглядеть солидным львом.

Цепь была достаточно длинная, она не доставала до дома, но все же львенок мог гулять вокруг будки и наблюдать за обитателями двора.

А их было предостаточно. Пять собак с любопытными мордами и высунутыми от жары языками, восемь кошек с заспанными и безразличными физиономиями, цесарки в скромных серых платьишках, нарядные петухи и роскошные павлины.

В траве шелестели ежи, на ветках шелковой акации и боярышника заливались птицы. В глубине двора стояли четыре аккуратных домика, и в них что-то сердито жужжало, рядом неспешно прыгали кролики и их красные глаза почему-то сильно раздражали Базилевса. В отдельной пристройке под низенькой крышей что-то хрюкало, блеяло и мекало. Поодаль под ивой был маленький бассейн из известняка и в нем плавали невиданные рыбы: красные и голубые неоны и пестрые лялиусы.

Базилевс как старому другу обрадовался седому угрюмому орлу, который сидел на заборе и тоже был привязан цепью.

Тут высокая женщина с серыми глазами поставила перед ним две миски. В одной оглушительно вкусно пахло мясо из супа, а в другой было молоко. Базилевс неуверенно лизнул того и другого, потом решил, что новая жизнь начинается сносно, и сразу уснул, уронив голову на лапы.

А за круглым столом, накрытым в тени боярышника, шла оживленная беседа. Хозяйка, ловко снуя между домом и столом, выносила все новые блюда: пахучую влажную зелень и белый сыр, сочные помидоры, огурцы и глянцевитый болгарский перец, творог с зернами черного тмина, лобио в ореховой подливке, горячий хлеб и копченое придымленное мясо. От него тоже шел такой одуряющий запах, что Базилевс на секунду приоткрыл глаза, но тут же снова закрыл их, сраженный усталостью. В довершение всего на стол явилось огромное блюдо черного и белого винограда, свежий мед в маленьких блюдечках и запотевшая бутылка домашнего фруктового вина.

– Благодать! Да не сглазить бы! – произнес хозяин, ловко свернул трубочку из лаваша с сыром и зеленью, макнул в ореховую подливу и отправил в рот. – Кушайте, дети!

Пока дети уминали снедь, хозяйка неспешно приводила свои доводы.

– Ему сколько в день мяса надо, ты об этом подумал? Ну, и что, что все растет, все свое, я и так уже как лошадь устаю, пока всех этих животных накормлю. Детям столько внимания нет, сколько им! Много ты имеешь с этих экскурсий?! «Ах, посмотрите, это шелковая акация-альбиция, очень редкий вид, а это редкий белый павлин!» – передразнила она мужа. – Подумаешь! У нас все редкое, а самое редкое – деньги в доме. Я сама экскурсии буду проводить, когда у нас

лишние деньги в доме появятся! Все пустой звон. А на самом деле ничего нет, кроме моей усталости!

– Женщина, – лениво возражал муж, – я тебе уже один раз сказал: «Все будет хорошо!» Не надо много говорить. Вот говоришь – устала, а свой ротик, смотри, как сейчас утруждаешь! Помолчи и дай ему отдых!

Так потекли дни, сплетаясь в месяцы. Цветы боярышника сменились морщинистыми ягодами, похожими на крохотные яблочки; в дом к хозяину часто приходили дети, смотрели зверей, цокали языками, восхищались. Подойдя к Базилевсу, они взвизгивали, и прятались друг за друга, а потом осторожно выглядывали. Самые смелые протягивали к нему руки, пытались погладить. Но женщины, с которыми они приходили, кричали: «Не трогайте! Это же лев, может укусить!» – хотя Базилевс никогда в своей жизни никого не кусал, если не считать нос брата в той далекой жизни.

А по вечерам, когда расстилалась прохлада, и в траве зажигались звездочки мирабилиса – ночной красавицы, и все сильней, все пронзительнее пах душистый табак, к Базилевсу приходила черная кошка Мацеса. Она смотрела на него умными янтарными глазами, потом осторожно вытягивала лапы и ложилась рядом с ним. И если бы не ее возмутительная миниатюрность, можно было бы подумать, что это лежит рядом мать. И внутри у нее тарахтело так же, как у матери, когда она обнимала своих детей.

«Все радуются жизни, всем весело, и только я один мучаюсь. Зачем я вообще родился?» – думал Базилевс.

«Ну-ну, – беззвучно отвечала Мацеса на его мысли, – тебе еще не плохо. Вот по соседству с нами была шашлычная. Она очень вкусно пахла и мне там иногда давали кусочки мяса. Нет, ты не подумай, я не голодушница, но не всегда же есть домашнюю пищу. Иногда хочется и в ресторан.

Так вот там хозяин ради потехи держал привязанным на солнцепеке медвежонка. Кормил его очень плохо, сама видела. Собаки из такой посуды есть не будут, в какой ему давали. И еще бутылку с водкой давали. Эта такая вода, она плохо пахнет и от нее все горит. Хозяин так говорит, когда ее выпьет, а потом стучит себя по груди и кричит жене: «Animae dimidium meae!»

«Это что такое?» – спрашивал беззвучно Базилевс.

«Это по латыни, ты не поймешь! «Половина души моей». В смысле – она, хозяйка – половина его души!

И вот этот медвежонок сначала все плакал, а потом лежал и не хотел есть и пить. Просто лежал и тосковал. А потом за ним приехала машина и увезла его куда-то. Поэтому ты не тоскуй, я тебе точно говорю, от тоски плохое бывает.»

«Я не тоскую», – молча говорил Базилевс, и кошка смотрела на него умными недоверчивыми глазами, потом вздыхала и они вместе не сводили глаз с большой лохматой звезды, которая висела на горизонте, и обиженно моргала, как только он начинал синеть.

А потом начались дожди.

– Глё! Глё! – тревожно кричал орел из своего укрытия. Трава вокруг поникла, звери и птицы попрятались кто куда. Из садка с кроликами все время доносилась возня, собаки были в конуре, цесарки, сидели, нахохлившись на насесте, и только Базилевс упорно не желал залезать в будку.

– Ты посмотри! – тихо выговаривала Натия мужу, – он совсем худой стал, одна кожа да кости. Может, болеет? Умрет – клянусь могилой твоего отца! – честное слово, я к нему и близко не подойду! Жалко животное, и я устала уже. Хватит!!! Что, у нас зоопарка нет?! Позвони, договорись, пусть приедут, заберут. Я тебя прошу: пожалей ты его и меня!

– Не знаю, посмотрим, – уклончиво отвечал хозяин, потом осторожно подходил к Базилевсу, присаживался перед ним на корточки.

– Что, друг, ты меня подводишь? Кушать надо, ты почему не кушаешь? Чем тебе здесь плохо?

Но Базилевс молча лежал и смотрел на мокрую землю. Хозяин вздыхал, уходил в дом, кричал: «Натия, где у нас марганцовка?!», а потом приносил ему противную розовую воду.

Мацеса уже не приходила, но по-прежнему смотрела на него издалека.

В один из дней хозяин привел с собой ветеринара. Тот долго мыл руки, но Базилевс сразу ощетинился – так отвратно от него несло острой вонью лекарств и опасности.

– Базилевс, Базилька, – уговаривал хозяин, и голос его сразу же стал неприятно-сладким. Львенок зарычал.

– Животное агрессивно, – отрезал ветеринар. – Вы хотите, чтобы он вам детей покалечил? Жену? Соседей? Дикое животное не держат дома. Отвезите в зоопарк, там и ветеринары, и уход. Телефон дать?

– Все у меня есть, доктор. Я сам позвоню.

А потом пришли дети, Камилла и Эмиль, и долго гладили львенка за ушами и под шеей. Базилевс любил, когда они это делали, и волосы у них пахли как кора акации, под которой отдыхала мать. Как они пахнут, эти волосы! Зачем ты создал их, Всеблагий?!

Под вечер Натия, вытирая глаза, поставила перед ним миску мясной похлебки, но он и не притронулся.

Он ждал своей лохматой звезды, но небо было затянуто тучами и пусто.

Беззвучно пришла Мацеса и легла с ним рядом.

«Тоскуешь?» – спросила она.

«А что бы ты делала на моем месте?»

«Не знаю. Я на твоем месте не была.»

«У тебя есть дети?» – продолжал он мысленный диалог.

«Девять, – ответила она. – Некоторые и сейчас здесь. Вон тот полосатый, с порванным ухом – сын. Только он забыл об этом. И я тоже. Так легче.»

«Моя мать не забыла бы.»

«Это тебе так кажется. Ты был маленьким. Все забывают. Когда маленькие, все смешные, с ними хочется играть, и они пахнут молоком. А потом вырастают, и от них пахнет уже мясом и любовью.»

«Ее нет». – сказал Базилевс.

«Любовь есть всегда.»

«Нет, звезды сегодня нет.»

«Что тебе звезды? Нашел о чем думать?! Сегодня нет, завтра будет.»

Львенок ничего не ответил. Мацеса взглянула на него искоса и вздохнула. Небо было темным, собирался дождь, и в курятнике беспокойно квохтали цесарки.

Наутро за Базилевсом приехала машина. Он уже привык к людским запахам и не удивился, что от хозяина и маленького толстого парня рядом, пахнет бензином.

– Ну, поехали! Вставай! – сказал хозяин и отвязал цепь. – Будешь жить хорошо, смотреть за тобой будут хорошо, здесь ты, может правда, мучаешься. Базилевс не пошевельнулся. Хозяин просунул под него руки и поднял легкое тело. Базилевс не уткнулся ему в воротник, как в прошлый раз.

На пороге дома появилась женщина. Серые глаза ее блестели.

– Половина души моей! – хвастливо сказал хозяин парню. – Дети где?

– Спят, – коротко ответила женщина. – Он живой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/flamme_/lyubka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити